

**ЛЮДМИЛА
УЛИЦКАЯ**

ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ

Священный
мусор

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
У48

Художник — ЕЛИЗАВЕТА КОРСАКОВА

В оформлении переплета использована картина АНДРЕЯ КРАСУЛИНА

Книга публикуется по соглашению с литературным агентством
ELKOST Intl.

Улицкая, Людмила Евгеньевна.

У48 Священный мусор [рассказы, эссе, интервью] / Людмила Улицкая. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022. — 473, [7] с. — (Людмила Улицкая. Избранное).

ISBN 978-5-17-149406-3

Книга автобиографической прозы и эссеистики писалась-собиралась Людмилой Улицкой в общей сложности более двадцати лет, параллельно с “Сонечкой”, “Казусом Кукоцкого”, “Даниэлем Штайном...”, “Зеленым шатром”. Тем интереснее увидеть, как из “мусора жизни” выплавляется литература и как он становится для автора “священным”, и уже невозможно выбросить ничего — ни осколки и черепки прошлого, ни мысли, опыт, знания, догадки, приобретения, утраты...

Эта книга — бесстрашная в своей откровенности и доверительности. Улицкая впервые пускает в свой мир читателя, вступает с ним в диалог не только посредством художественных образов, а прямо и доверчиво — глаза в глаза.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-149406-3

© Улицкая Л.Е.
© ООО “Издательство АСТ”

Оглавление

Священный мусор	9
Разговоры под диктофон	12
<i>Правила жизни Людмилы Улицкой</i>	14

Личный мир

ДЕТСТВО

Девочки и мальчики	19
Старые фотографии	23

ЧТЕНИЕ

Конец младенчества	29
“Мои отношения с книгами строились по принципу любовного романа...”	32
Читая “Дар” Владимира Набокова	35
Одиссей	45
Человек со связями	49
“Легко — никогда...”	59

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Ближний круг	64
Памяти Маши	70
Люба	76
Сергей Бархин: почва и судьба	80
Галó НК	86
Кристина, друг сердечный	89
Александр Мень	92

Гаянэ	97
Ирина Ильинична	100
Закон сохранения	107
Пхенцы	117
Благородное семейство	120
Бедный враг	123
ПРО АНДРЕЯ	
Искусство неделания	127
“Восход солнца в Сокольниках”	131
Бронза о Мандельштаме.	138
Красулин. Гоа.	143
ТРИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПО ПОВОДУ СНА	
Щель за минуту до пробуждения.	147
Бессонница.	152
Смотрите сны внимательно!	155
ТРИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПО ПОВОДУ ЛЖИ	
Апология	159
Уроки отца	167
Скажи “нет”	171
БЕЗ ДИПЛОМА	
Благодарственное слово крысе	177
“Меня всегда интересовал частный человек..”	184
Вторая профессия	189
“Я могу, как я..”	197
ЖЕНСКИЙ ВОПРОС	
Если бы Господь Бог был женщиной.	205
Проза, роза, оза, за.	211
Лилит, Медея и нечто новое	214
Быть вдвоем, быть одиночкой.	223
Печальные плоды победителя.	230
“Разрушение семьи — это разрушение мира”	235
Не слишком ли много этой любви?	236

Мир вокруг

МЫ ЗДЕСЬ ЖИВЕМ

Недозволенное вложение	253
Шестеро внуков Елены Митрофановны	258
Тугое пеленание	262
Савеловская — Менделеевская	277
Бутово. Полигон.	280
“Я никогда не была внутренним эмигрантом...”	282
Дубровка — Беслан.	288

НЕИЗБЕЖНОЕ СОСЕДСТВО

Культура и политика	294
Прощай, Европа!	296
“Мне очень нравится, что люди разные...”	304
“Культура — не ручное животное”	305
Реплика	310

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ У ДРУГИХ

Стэнфорд. В гостях.	311
Дорогой мистер Купер Бич.	321
“Мир стал очень маленьким...”	327

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ У НАС

Никто не любит олигархов	330
Разговор через решетку	336
России нужен Пиночет?	348
“У власти и частного человека всегда конфликт...”	357

Мир вверх

ВОКРУГ ДАНИЭЛЯ

Святость	365
“У каждого человека есть свой вариант Бога...”	367
Неоязычество внутри.	377
Смерть, любимая!	386

ГРУДЬ. ЖИВОТ	
Прелюдия.....	398
Анамнез	399
Status praesens	402
Cito!.....	404
Из записной книжки	407
Эйн Карем	417
Хадасса	421
КНИГА, КОТОРУЮ Я ДОЛГО ЗАКАНЧИВАЛА	
“Я — рассказчик своего времени”	426
ПРОЩАНИЕ С КОГОЛЕТО.....	442
ВОКРУГ “ЛЕСТНИЦЫ ЯКОВА”	
“Этот звук я узнала, за ним иду...”	450
“В эту топку всё идет — и собственная жизнь тоже...”	453
БЫТЬ НИКЕМ	461

Священный мусор

Сильнейшая привязанность к вещам — к их биографии, географии, рождению и смерти — привела к тому, что в скороходовскую коробку из-под ботинок я складывала то, с чем трудно было расстаться: треснувшую фарфоровую пиалу моего прадеда, в которой он хранил какие-то колесики и пружинки от часов, разбитый китайский набор для чаепития, который мой первый муж случайно смахнул плечом вместе с полкой, бабушкины лайковые перчатки (бальные!) такого размера, что они порвались, когда их хотела примерить одна толстенькая двенадцатилетняя девочка, расплетшаяся наполовину прабабушкина корзиночка неизвестно для чего, горделивый значок Калужской гимназии госпожи Саловой и кусок клеенки из роддома, на котором написано имя моего двоюродного брата, родившегося через десять лет после меня. Всё это я собиралась когда-нибудь починить, реставрировать, склеить, залатать или просто определить на место. И лет тридцать таскала с квартиры на квартиру, пока во время одного из последних переездов, охваченная жаждой освобождения и очищения от всякого хлама, не выбросила все эти никчемные драгоценности на помойку. На минуту мне показалось, что

я освободилась от своего прошлого, и оно больше не держит меня за глотку. Ничего подобного: все эти выброшенные штучки — наперечет! — я помню.

Однако эти черепки и остатки прошлого каким-то образом связаны с вещами нематериальными. Они символизировали прекрасные принципы и положительные установки, заимствованные идеи и остроумные концепции, которые я всю жизнь собирала в стройное здание, и иногда даже казалось, что оно уже прочно стоит на надежном основании и что многолетними усилиями выстроено цельное мировоззрение. Каркас этот оказался жестким и неудобным, как доспех средневекового рыцаря... Временами меня это очень беспокоило — благодарение Богу, ежеминутные заботы жизни сильно отвлекали от назойливого поиска высших смыслов. Не могу сказать, чтобы результат был сколько-нибудь значительным. Я очень близка к тому, чтобы выбросить все лабораторные тетради неудавшихся или плохо удавшихся опытов. К сожалению, обувная коробка — скорее модель, а может, метафора, описывающая универсальный процесс накопления богатства и последующего от него освобождения.

Оказалось, ничего выбросить невозможно. Цепкое сознание не хочет расставаться с побрякушками из стекла, металла, опыта и мыслей, знания и догадок. Что здесь важно и значительно, а что побочный продукт жизнедеятельности — не знаю. Тем более что иногда “Навозна куча” оказывается драгоценнее “Жемчужного зерна”.

Мой покойный прадед, кой-какой часовщик и пожизненный читатель единственной книги, уважал материальный мир не менее духовного: никогда не выбрасывал ни картонки, ни железки, с улицы приносил то кривой гвоздь, то ржавую петлю. Всё раскладывал

по коробочкам, подписывал: гвозди дюймовые, петля дверная, шпулька для ниток. А на одной коробочке уже после его смерти разобрали надпись: “Веревочка, которая уже ни на что не годится”... Но почему хранил? Ведь так хочется освободиться от всего лишнего, необязательного...

“Вот потеряю руки, ноги, голову и возраст, дату рождения и дату смерти, национальность и образование, вот потеряю имя и фамилию, и будет хорошо”. Это я сама написала на последней странице сборника “Люди нашего царя”.

Разговоры под диктофон

Хорошее интервью — взаимное удовольствие и для интервьюера, и для интервьюируемого. За последние двадцать лет я дала очень много интервью, думаю, сто или двести. Изредка бывали хорошие, интересные разговоры.

Вот уже много лет, как я избегаю встречаться с журналистами лично, предпочитаю давать ответы по электронной почте. За те слова, которые я пишу ночью, без спешки, я отвечаю. А за ответы, переписанные с диктофона, — не всегда. Что-то происходит в процессе переноса с моего запинаящегося голоса на бумагу, что меняет порой смысл до противоположного. Не говоря уж о том, что иногда приходят за интервью журналисты, которые и диктофон дома забыли, и прочитать книги, о которых собираются разговаривать, не успели. Это полное падение профессии журналиста. К сожалению, утрата профессионализма сегодня стала общей болезнью, и касается это не только журналистов, но и врачей, учителей, сантехников. Тем приятнее бывает беседа с журналистами талантливыми и профессиональными. Они, конечно, в меньшинстве.

Разговоры идут о разных вещах: о жизни, об обществе, о тех изменениях, которые происходят с людьми

ми. Довольно часто речь идет о книгах, которые я написала. Иллюзий у меня давно уже нет: книга как важнейший культурный феномен уходит из оборота, ее заменяют иные, новые формы культуры, которых прежде человечество не знало. Книги превращаются постепенно во вселенский мусор. Это очень хорошо знал Рэй Брэдбери. С горечью он писал о планете, где вся материальная культура сохранена, только нет людей, которые ее создали и могли бы пользоваться. Тогда, в отсутствие потребителя, вся культура превращается в мусор. И музыки не может быть, если нет ушей, которые ее слушают, и рук, которые играют, и живописи — без человеческих глаз. Великий закон возрастания простого к сложному, называемый то Творением, то Эволюцией, создал культуру как высший плод человеческого сознания. В нее все мы погружены, как рыбы в воду... Без этого и говорить не о чем.

Интервью — жанр опасный, потому что автор оказывается в большой зависимости от задающего вопросы. Захочет журналист — и автор выглядит идиотом, а может исхитриться и нарисовать из авторских высказываний фигуру весьма возвышенную. В этом особое мастерство журналиста — вытащить из контекста фразочку и создать собственный образ. Ниже приведен текст, своего рода журналистский шедевр: журналист из журнала *Esquire* ухитрился так подобрать цитаты из многочисленных интервью, что очень польстил автору. Выгляжу прямо-таки мудрой. С помощью этого же приема можно сделать и нечто совершенно противоположное — выставить автора полным идиотом. Бывало и такое.

ПРАВИЛА ЖИЗНИ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ

Когда очищаешь письменный стол от кучи испанной бумаги, у книги начинается своя собственная жизнь. Я всего несколько недель тому назад рассталась с новым романом, и мне до смерти интересно, что будет дальше.

Когда я стала издавать книгу за книгой, я испытывала страх самозванства. Кто это меня назначил писателем? Я стеснялась самого слова “писатель”. Но с годами привыкла. Да, писатель.

Разговаривать можно со всякими людьми, в том числе и с теми, которые не читали книг.

Есть одно качество у времени: оно ускоряется с годами. В детстве каждый год тянется бесконечно, тебе бесконечно долго шесть лет и никак не исполняется семи, когда будет другая жизнь, школа... А чем ближе к старости, тем быстрее осыпаются листочки календаря. Моргнул — понедельник, еще моргнул — опять декабрь...

Я биолог. Вид крови повергает в шок, когда ты не знаешь, что с этим делать. А когда ты понимаешь, что надо наложить жгут и остановить кровотечение, то шок проходит. Делаеть, что надо.

Грязи я не боюсь, не брезглива и, если надо, могу вымыть сортир. Это благородная работа — из грязного делать чистое.

Я видела столько прекрасных смертей, когда люди уходили благородно, красиво, “безболезненно, не-

постыдно, мирно”, что с годами гораздо больше боюсь своего плохого поведения, чем смерти. Наверное, это и есть гордыня.

Надо решить для себя вопросы: кто я? Чего хочу? Нужна ли мне свобода? Готов ли я к ответственности? Могу ли я испытывать сострадание? Есть множество людей, которые совершенно созрели для того, чтобы задать себе эти вопросы, но никто не сказал им, что такие вопросы задавать нужно, а сами они не догадались.

“Невылупившиеся” бывают необыкновенно привлекательны. Помните Петю Ростова накануне его смерти? Ешьте, ешьте изюм, у меня еще восемь фунтов... Простите за неточность цитаты. Петя взрослым стать не успел.

Личинка человека обладает всеми правами, которыми обладает взрослый человек. Она не обладает обязанностями.

Были времена, когда я Москву любила. Но давно уже не люблю. Привыкла, отчасти смирилась. Есть немало мест, жить в которых мне нравится больше, чем в Москве. Мне нравится Нью-Йорк и деревня Эйн Карем в Израиле, мне хорошо в Берлине и в итальянской деревне Беука под Генуей. Но пока не получается от Москвы оторваться.

Коммунистическая идеология в нашей стране рухнула. Строить плохонький, как всё отечественное, капитализм после всех провалов западного — задача малопривлекательная. Никаких новых идей нет.